

Местная печать ничего не сообщала об Уолтере Берглунде — они с Патти уже два года как переехали в Вашингтон и больше не интересовали Сент-Пол, — но обитатели Рэмзи-Хилл были не настолько преданы своему городу, чтобы не читать “Нью-Йорк таймс”. Из длинной и нелестной статьи следовало, что в Вашингтоне Уолтер изрядно навредил своей карьере. Соседи не узнавали в описании Уолтера (газета называла его “надменным”, “зарвавшимся” и “нравственно ущербным”), великодушного, улыбчивого, легко краснеющего сотрудника “3М”¹, который даже под февральским снегом разъезжал на своем велосипеде по Саммит-авеню. Казалось невероятным, что Уолтера, который родился в сельской местности, а экологичностью взглядов перещеголял бы сам Гринпис, могут обвинять в незаконных махинациях с угольной промышленностью и в обмане сельских жителей. С другой стороны, в Берглундах всегда было что-то странное.

Уолтер и Патти были первопроходцами Рэмзи-Хилл — первыми выпускниками, купившими дом на Барьер-стрит с тех пор, как старая гвардия Сент-Пола тридцать лет назад

1 “Миннесота майнинг энд мэнюфэччеринг” — инновационная компания, занимающаяся производством товаров для медицины и многих других отраслей.

сдалась под тяжестью времен. За этот викторианский дом они заплатили копейки и потом десять лет вкалывали, приводя его в порядок. Все началось с того, что кто-то очень целеустремленный поджег их гараж и, прежде чем Берглунды успели его отстроить, дважды влез к ним в машину. После полуночи на пустующем участке напротив их дома устраивались загорелые байкеры, чтобы выпить пива, поджарить чесночные сосиски и поревевть моторами, пока Патти не выйдет из дому в тренировочных штанах и не скажет им: “Знаете что, парни, шли бы вы отсюда”. Ее вид вряд ли мог кого-то напугать, но годы занятий спортом воспитали в ней присущее спортсменам бесстрашие.

С первого же дня стало понятно, что Патти не похожа на других. Высокая, слишком молодая женщина с завязанными в хвост волосами катала коляску по улице, полной ободранных автомобилей, битых пивных бутылок и заблеванного талого снега. Казалось, что авоськи, висевшие на ручках коляски, были набиты долгими часами ее дней. Позади были детско-хлопотные приготовления к утру, состоящему из беготни по детско-хлопотным делам, впереди — день, заполненный радио, готовкой, пеленками, шпаклевкой и эмульсионной краской, а потом — “Доброй ночи, луна”¹ и калифорнийское вино. Патти олицетворяла собой перемены, медленно овладевавшие улицей.

В те времена, когда еще можно было не стесняться водить “вольво-240”, жители Рэмзи-Хилл сообща стремились вернуть себе те навыки, ради утраты которых наши родители переселились из городов в провинцию. Как убедить местных копов выполнять свою работу? Как уберечь свой велосипед от крайне целеустремленного вора? Как выгнать пьяницу, расположившегося у вас в саду? Как заставить бродячих котов гадить не в вашей песочнице? Как определить, достигла ли местная государственная школа той степени дерьмовости, когда

1 Классическая детская книга Маргарет Уайз Браун, которую вот уже пятьдесят лет читают детям перед сном.

уже не стоит пытаться что-то изменить? Были и более современные вопросы — например, вопрос тканевых подгузников. Стоит ли с ними возиться? Правда ли, что молоко по-прежнему развозят в стеклянных бутылках? Все ли в порядке с бойскаутами с политической точки зрения? Так ли уж необходим организму булгур¹? Куда сдавать севшие батарейки? Что ответить темнокожей нищенке, обвиняющей вас в том, что вы уничтожили ее район? Правда ли, что в глазури посуды фирмы “Фиеставэр” содержится опасное количество свинца? Насколько навороченным должен быть кухонный фильтр? Случалось ли у вас такое, что ваш “вольво” не реагировал на нажатие кнопки овердрайва? Давать попрошайкам еду или вообще ничего? Возможно ли вырастить необычайно уверенных в себе, счастливых, успешных детей, работая полный рабочий день? Можно ли молоть кофе накануне вечером, или это надо делать по утрам? Был ли у кого-нибудь в истории Сент-Пола позитивный опыт общения с кровельщиком? Где найти хорошего механика для “вольво”? Нет ли у вашего “вольво” проблем с тросиком? На передней панели есть какой-то выключатель с загадочной наклейкой, который так пошведски убедительно щелкает, но, кажется, ни к чему не подключен, — *зачем* он нужен?

У Патти Берглунд, этой дружелюбной пчелки, радостной переносчицы социокультурной пыльцы, всегда был ответ на любой вопрос. Она принадлежала к малому числу неработающих матерей Рэмзи-Хилл и прославилась своей неспособностью говорить хорошо о себе или плохо — о ком-нибудь другом. Она утверждала, что одно из подъемных окон, на которых она заменила крепления, однажды ее “обезглавит”. Ее дети “навверняка” умирали от трихинеллеза, потому что она недостаточно прожарила свинину. Она подозревала, что ее “пристрастие” к запаху растворителя для красок могло быть связано с тем, что она больше “никогда” не читает книг. Она

1 Булгур — разновидность пшеничной крупы.

доверительно сообщала, что после “того случая” ей “запрещено” удобрять цветы Уолтера. Некоторым подобное самоуничижение было не по нраву — они видели в нем род снисхождения, как если бы Патти, преувеличивая свои недостатки, чересчур очевидно пыталась утешить менее одаренных домохозяек. Но большинство считали ее скромность искренней или по крайней мере забавной, да и в любом случае сложно устоять перед женщиной, которую так любят ваши дети и которая помнит не только их дни рождения, но и ваш и поздравляет вас блюдом печенья, открыткой или букетом ландышей в вазочке из магазина дешевых товаров, которую любезно предлагает не возвращать.

Было известно, что Патти выросла на востоке страны, в пригороде Нью-Йорка, и получила одну из первых женских баскетбольных стипендий в Миннесоте, где, согласно табличке в кабинете Уолтера, вошла во второй состав сборной США. Учитывая то, как сильно Патти была привязана к своей семье, казалось странным, что никакой тяги к корням у нее не наблюдалось. Она годами не выезжала за пределы Сент-Пола, и непохоже было, чтобы кто-то приезжал к ней с востока, даже родители. Если спросить ее в лоб, она отвечала, что ее родители помогли многим людям, что ее отец — адвокат в Уайт-Плэйнс, мать занимается политикой, да, член законодательного собрания штата Нью-Йорк. Затем она энергично кивала и как бы подводила черту, давая понять, что тема исчерпана: — В общем, этим они и занимаются.

Можно было бесконечно пытаться заставить Патти признать, что кто-то дурно себя ведет. Когда ей рассказали, что Сет и Мерри Полсен устраивают для своих близняшек пышную вечеринку в честь Хеллоуина и демонстративно пригласили туда всех соседских детей, кроме Конни Монаган, Патти всего лишь заметила, что это очень “странно”. Когда они с Полсенами столкнулись на улице, те объяснили, что они все лето пытались заставить мать Конни Монаган, Кэрол, не бросать бычки из окна спальни в их детский бассейн.

— Очень странное поведение, — согласилась Патти, покачивая головой, — но ведь Конни в этом не виновата.

Полсенон, однако, не удовлетворило это определение. Они бы предпочли “социопатичное”, “агрессивное” — словом, *плохое*. Они хотели, чтобы Патти, говоря о Кэрол Монаган, употребила один из этих эпитетов, но Патти была не способна продвинуться дальше “странного”, и Полсенон отказались включить девочку в список приглашенных. Патти так рассердила эта несправедливость, что она в день вечеринки отвезла своих детей, Конни и их одноклассника на тыквенную ферму, где они катались в грузовике с сеном. Но худшим, что она сказала о Полсенах, было то, что ей кажется странной их злоба по отношению к семилетней девочке.

Кэрол Монаган была единственной матерью на Барьер-стрит, появившейся там примерно тогда же, когда и Патти. Она попала туда по своеобразной программе патронажного обмена после того, как забеременела от своего высокопоставленного начальника в Хеннепине, который поспешил выслать ее из своего округа. К концу семидесятых в городах-близнецах¹ осталось не так много мест, где посчитали бы хорошим тоном содержать на балансе госучреждения мать незаконного ребенка шефа. Кэрол сделалась одной из рассеянных, подолгу обедающих сотрудниц городского бюро лицензий, а какая-то залетка из Сент-Пола получила ее должность на другом берегу реки. Соседний с Берглундами дом на Барьер-стрит, видимо, был частью сделки: иначе сложно было объяснить, почему Кэрол согласилась жить в подобном бараке. Летом к ней раз в неделю после захода солнца на джипе неизвестной марки приезжал пустоглазый подросток в комбинезоне Департамента озеленения и проходил по лужайке газона-

1 *Города-близнецы* — Миннеаполис и Сент-Пол, два крупнейших города штата Миннесота. Они расположены так близко друг к другу, что постепенно фактически слились в единое целое, юридически оставаясь независимыми муниципальными образованиями. Миннеаполис стоит на правом берегу реки Миссисипи, а Сент-Пол — на левом.

косилкой. Зимой тот же подросток появлялся, чтобы убрать снег с дорожки.

К концу восьмидесятых дом Кэрол оставался единственным неухоженным домом квартала. Она курила “Парламент”, обесцвечивала волосы, красила свои длинные ногти в кричащие цвета, кормила дочь переваренными полуфабрикатами и поздно возвращалась домой по четвергам (это мамочкин выходной, говорила она, как будто свой выходной был у каждой матери), бесшумно открывая дом Берглундов выданным ей ключом и забирая с дивана спящую Конни, заботливо укутанную одеялом. Патти проявляла безграничную щедрость, предлагая Кэрол присмотреть за Конни, пока та работала, ходила по магазинам или занималась своими четверговыми делами, и в результате Кэрол стала полностью зависеть от соседки. Патти не могла не видеть, что в ответ на ее щедрость Кэрол полностью игнорирует ее дочь Джессику, непомерно нянчится с ее сыном Джоуи (“Еще один маленький чмок!”) и, одетая в прозрачные блузки и туфли на высоченных каблуках, липнет к Уолтеру во время соседских собраний, превознося его домохозяйственные доблести и раздражаясь хохотом в ответ на каждое его замечание. Но худшее, что Патти позволяла себе сказать о Кэрол на протяжении долгих лет, — это что одиноким матерям приходится нелегко, и если Кэрол порой вела себя странно, то это, должно быть, из гордости.

С точки зрения Сета Полсена, слишком часто, по мнению его жены, упоминавшего Патти, Берглунды относились к виноватым либералам, испытывающим потребность прощать всех и вся, чтобы получить прощение за свою счастливую судьбу; им не хватало смелости пользоваться тем, что им было дано. В теорию Сета не укладывался тот факт, что Берглундам ничего особенного дано не было: единственным их активом был дом, который они перестроили собственными руками. Другую брешь в теории указала Мерри Полсен: Патти не была особенно прогрессивной и уж точно не являлась феминисткой (целыми днями торчала дома и пекла свои чер-

товы именинные печенюшки, сообразуясь с календарем), а политика вызывала у нее явное отторжение. Если упомянуть при ней выборы или какого-нибудь кандидата, она теряла свое обычное дружелюбие, начинала нервничать, чрезмерно кивать и поддакивать.

Мерри, которая была на десять лет старше Патти и выглядела ровно на свой возраст, в прошлом активно участвовала в деятельности студенческого демократического общества в округе Мэдисон, а в настоящем активно увлекалась божоле нуво. Когда Сет за ужином в третий или четвертый раз упомянул Патти, Мерри приобрела цвет своего любимого вина и объявила, что в мнимом дружелюбии Патти Берглунд *нет* признаков развитого самосознания, *нет* солидарности, *нет* никакой политической подоплеки, *нет* гибкости и *нет* ни малейшего следа коммунитаризма, что сама она — не более чем отсталая домохозяйка. Если уж говорить начистоту, то Мерри уверена, что под приторной оболочкой скрывается жесткая, эгоистичная, соперническая и рейганистская натура. Ведь очевидно, что Патти полностью сосредоточена на детях и доме и ей наплевать на своих соседей, на бедных, на страну, на родителей и даже на собственного мужа.

Патти действительно была полностью сосредоточена на собственном сыне. Хотя Джессика давала больше поводов для гордости — по уши в книгах, обожает животных, играет на флейте, незаменима на футбольном поле, популярная нянька, не настолько хорошенькая, чтобы ее это испортило, и даже у Мерри Полсен вызывает только восхищение, — у Патти с языка не сходил Джоуи. В своей доверительно-хихикающей самоуничижительной манере она вываливала на собеседника тонны подробностей о том, как им с Уолтером трудно приходится с сыном. Большинство ее историй состояли из жалоб, но никто не сомневался, что она обожает мальчика. Она походила на женщину, жалующуюся на своего убудочного красавца мужа. Как если бы она гордилась тем, что он разбивает

ей сердце, как если бы ее готовность к этому была главным, единственным фактом, который она хотела сообщить человечеству.

— Он меня доконал, — не раз сообщала она на протяжении долгой зимы Постельных Войн, когда Джоуи утверждал свое право ложиться одновременно с Уолтером и Патти.

— Капризничает? Плачет? — спрашивали ее остальные матери.

— Шутите? — говорила Патти. — Я была бы *счастлива*, если бы он плакал. Плач — это нормально, к тому же любой плач когда-нибудь заканчивается.

— Так что же он делает? — спрашивали матери.

— Он проверяет нас на прочность. Мы заставляем его выключить свет, но он стоит на том, что не должен отпирываться спать, пока не ляжем спать мы, потому что он ничем от нас не отличается. Клянусь Господом, как будильник, каждые четверть часа! Он, видно, лежит с часами в руках, следит, чтобы прошло ровно пятнадцать минут, и тогда кричит: “Я не сплю! Я еще не сплю!” Таким презрительным, саркастичным тоном... очень странно. И я умоляю Уолтера не вестись на это, но поскольку уже без четверти двенадцать, Уолтер направляется в комнату Джоуи... И они в очередной раз спорят о разнице между детьми и взрослыми и о том, демократия у нас в семье или благонамеренная диктатура, пока я — я! — не сдаюсь. И я уже из кровати, представляете, кричу им: “Все, стоп, прекратите!”

Мерри Полсен не развлекали подобные рассказы. Позже, загружая оставшуюся после ужина посуду в посудомойку, она отметила, что нет ничего удивительного в том, что Джоуи не знает разницы между детьми и взрослыми — его собственная мать, кажется, не знает, к какой из этих категорий себя отнести. Заметил ли Сет, как в ее историях видно, что дисциплина всегда исходит от Уолтера, как если бы Патти была безучастной наблюдательницей с единственной задачей — быть милой?

— Интересно, любит ли она еще Уолтера, — оптимистично пробормотал Сет, открывая последнюю бутылку. — Физически, я имею в виду.

— Она все время намекает, что у нее выдающийся сын, — сказала Мерри. — Вечно жалуется, что он чрезмерно на всем концентрируется, слишком подолгу занимается одним и тем же.

— Ну, честно говоря, потому-то он такой и упрямый, — заметил Сет. — Терпеливо оспаривает авторитет Уолтера.

— Она вечно им хвалится.

— А ты разве никогда не хвалишься? — поддел ее Сет.

— Возможно, — ответила Мерри. — Но я хотя бы имею минимальное представление о том, как это звучит со стороны. И моя самооценка не строится на уникальности наших детей.

— Ты великолепная мать.

— Великолепная мать — это Патти, — ответила Мерри, подливая себе вина. — Я всего лишь очень хороша.

Патти жаловалась, что Джоуи все дается слишком легко. Он был прелестным белокурым мальчиком и, казалось, знал ответ на любой вопрос, который ему задавали в школе, как будто бесконечные последовательности ответов А, В и С в тестах были прописаны у него в ДНК. Он с поразительной легкостью общался с соседями в пять раз его старше. Когда в школе или в бойскаутской группе ему поручали распространять конфеты или лотерейные билеты, он честно признавался, что продает абсолютное дерьмо. Замечая у других детей игрушки или игры, которых ему не покупали, Джоуи пускал в ход особую, неприятно снисходительную улыбку. Чтобы только не видеть этой улыбки, друзья насильно впихивали ему свои приобретения, и он стал профи в видеоиграх, хотя родители недолюбливали их, а также приобрел глубокие познания в рэпе и хип-хопе, от которых родители тщились уберечь его юные уши. В возрасте одиннадцати-двенадцати лет он, по рассказам Патти, за ужином, случайно или намеренно, назвал отца “сынок”.

— Что с Уолтером было!.. — рассказывала она остальным матерям.

— Все подростки сейчас так друг с другом разговаривают, — сказали матери. — Это все из рэпа.

— Джоуи так и сказал, — ответила Патти. — Он сказал, что это всего лишь слово, и даже не дурное слово. И разумеется, Уолтер позволил себе с ним не согласиться. А я сижу и думаю — Уол-тер, Уол-тер, не на-чи-най, это все бес-смыс-ленно, но нет, он же должен объяснить, ведь, скажем, “мальчик” — это не дурное слово, а к взрослым все равно нельзя так обращаться, особенно к черным. Основная проблема Джоуи в том, что он отказывается видеть различия между взрослыми и детьми, и в результате Уолтер заявляет, что Джоуи не получит сладкого, а тот отвечает, что он и не хочет, что он, в общем, не особенно и любит сладкое, а я сижу и думаю — Уол-тер, Уол-тер, не на-чи-най. Но Уолтер же не может остановиться, он должен доказать, что на самом деле Джоуи обожает сладкое. Но Джоуи не соглашается ни с чем из того, что говорит Уолтер. Он врет напропалую, конечно, но утверждает, что ест сладкое только потому, что так принято, а не потому, что ему нравится, а Уолтер не выносит лжи и предлагает ему месяц обходиться без сладкого. А я сижу и думаю — Уол-тер, Уол-тер, это к добру не при-ве-дет, потому что Джоуи отвечает, что может год не есть сладкого, что больше никогда не будет есть сладкого, кроме как в гостях из вежливости. А этому, как ни странно, можно верить, потому что он настолько упрямый, что у него получится. И тут я вмешиваюсь и заявляю, что, мол, ребята, давайте не будем увлекаться, сладкое — это важная часть рациона, чем полностью подрываю авторитет Уолтера, а поскольку весь спор на самом деле касался его авторитета, я разрушаю все то, чего он успел добиться.